

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Волшебную страну и её столицу Изумрудный город населяли племена маленьких людей — Жевунов, Мигунов, Болтунов, у которых была очень хорошая память на всё, чему они удивлялись.

Удивительным было для них появление девочки Элли, когда её домик раздавил злую волшебницу Гингему, как пустую яичную скорлупу. Недаром Элли называли после этого феей Убивающего Домика.

Не менее удивились жители Волшебной страны, когда увидели сестру Элли — Энни. Она тоже явилась им сказочной феей. Прискакала на необыкновенном муле, который питался солнечным светом, а у неё на голове был серебряный обруч, делающий каждого, кто его надевал и прикасался к рубиновой звёздочке, невидимым.

И ещё много-много чудесных событий случалось в Волшебной стране, о которых могли рассказать её жители. Только об одном чуде они почти ничего не знали — о том, как их страна стала Волшебной. Ведь она

не всегда была отгорожена от остального мира Великой песчаной пустыней и окружена неприступными Кругосветными горами. Не всегда над ней сияло вечное солнце и птицы и звери говорили по-человечески.

Волшебной она стала по желанию великого чародея Гуррикапа.

Гуррикап в те времена был уже стар, думал об отдыхе, ему хотелось покоя и уединения. Поэтому могучий чародей построил себе замок в отдалении от Волшебной страны, у самых гор, и строго-настрого запрети-

тил её обитателям приближаться к своему жилищу, даже само имя Гуррикап вспоминать запретил.

Жители хоть и удивились, но поверили, что Гуррикапу и в самом деле никто не нужен. Проходили века и тысячелетия. Тихие маленькие люди, выполняя наказ чародея, старались не вспоминать о нём, никогда больше не видели его. Так и случилось, что чудеса Гуррикапа постепенно начали забываться.

Зато всякому злу добрые обитатели страны Гуррикапа не умели удивляться и потому недолго его помнили. Уж сколько бед принёс им Урфин Джюс, пытаясь завоевать Волшебную страну сначала со своими деревянными солдатами, а потом с многочисленной армией Марранов. И что же?

Лишь только Урфин задумался над своей судьбой и отказался помогать злой великанше Арахне, как добрые жители тут же простили ему все обиды и стали считать его хорошим человеком. Они верили: сотворившему добро хотя бы один раз уже не захочется возвращаться к злым поступкам.

Самое интересное, что так оно и случилось впоследствии.

Ну а после того, как друзья из Большого мира Энни, Тим и моряк Чарли, помогли им победить колдунью Арахну, они снова весело глядели на небо, ярко-ярко-синее, где и в помине не было Жёлтого Тумана, посланного Арахной.

Славные обитатели Волшебной страны опять жили спокойно и счастливо, ниоткуда не ожидая опасности. А она приближалась, и — кто бы мог подумать? — именно с ясного неба.

Грозный космический звездолёт с планеты Рамерия уже приближался к Земле. Он мчался в мировом пространстве с неслыханной скоростью — сто пятьдесят тысяч километров в секунду. И, как записал в бортжурнале звёздный штурман инопланетянин Кау-Рук, «бороздил межзвёздную пустыню семнадцать лет». За это время космический корабль преодолел огромный путь, который свет — самый быстрый гонец во Вселенной (способный нестись со скоростью триста тысяч километров в секунду) — прошёл бы за девять лет. Так велико было расстояние от Рамерии до Земли.

Но чужестранные звездонавты даже не замечали полёта. Для них время остановилось с того момента, когда почти весь экипаж корабля был приведён в состояние анабиоза — так называют длительный сон при

глубоком переохлаждении — и погружён в специальные отсеки полётного сна. Там звездонавты безмятежно спали добрых семнадцать лет.

Время потеряло свою власть над людьми — это было настоящее чудо. Если бы звездонавтов разбудили даже через тысячу лет, и тогда они бы проснулись точно такими, какими погрузились в сон.

Непосвящённому отсеки казались гигантскими холодильниками с множеством ячеек, в каждой из которых находился член экипажа. Полированные поверхности ячеек сверкали зеркальным блеском, и, если приглядеться, на них то тут, то там проступали красные, синие, зелёные краны регулирования и ещё мигали разноцветные огоньки — то были лампы контролирующей аппаратуры.

Между тем штурман Кау-Рук, сидя в космической обсерватории, вычислял положение корабля в пространстве и отмечал курс на звёздной карте. Кроме

Кау-Рука бодрствовали ещё три человека: командир звездолёта генерал Баан-Ну — он проверял в рубке корабля показания приборов; врач Лон-Гор — он наблюдал за состоянием спящего экипажа, следил за температурой, влажностью, регулировал содержание кислорода, подачу охладителя — жидкого гелия; да ещё лётчик Мон-Со, верный помощник генерала, самый точный исполнитель его приказов, ни разу не допустивший каких-либо возражений или оговорок.

Тишина в отсеках полётного сна казалась вечной. Лишь изредка в каюте врача раздавался требовательный сигнал сирены, и тогда Лон-Гор торопливой, но неслышной походкой проскальзывал к отсекам, поворачивал нужный, зелёный, красный или синий, кран, и опять наступала тишина.

Мон-Со было нечего делать, его лётчики спали в отсеках; книг он читать не любил, поэтому сам с собой играл в крестики и нолики в каюте.

Иногда Мон-Со бродил коридорами корабля или гонял там мяч, но только когда все уже спали. Он был вратарём футбольной команды и просто не мог обходиться без тренировок. На Рамерии все были приучены к спорту.

Четверо звездонавтов, несущих космическую вахту, каждое утро занимались особой полётной гимнастикой и здесь, на корабле. Изредка опаздывал на спортивные занятия Кау-Рук, когда зачитывался какой-нибудь интересной книгой. Необязательно рассказом об истории народа, о каком-нибудь необычном характере человека или о приключениях, Кау-Рук с не меньшим увлечением читал книги по технике.

— Кау-Рук — самый способный человек вашего экипажа, — сказал генералу перед отлётом Верховный правитель Рамерии Гван-Ло. — Не назначаю его

командиром звездолёта по одной причине: в нём мало исполнительности.

Но всё-таки заместителем командира штурман Кау-Рук был назначен.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИЛЬСОРА

Для командира Баан-Ну, лётчика Мон-Со, для звёздного штурмана и бортового врача время не прошло незаметно: в полёте они постарели ровно на семнадцать лет. Правда, возраст на Рамерии исчислялся иначе: жили там люди в три раза больше, чем на Земле. Поэтому четверо звездонавтов, несущих вахту на корабле, по рамерийскому счёту оставались молодыми, полными сил.

Никем другим, кроме бодрствующих звездонавтов, покой огромного космического корабля не нарушался, в его каютах, служебных залах, машинном отделении, коридорах было пусто, оттого он казался необитаемым.

На самом деле на звездолёте не спал, вернее, находился в состоянии пробуждения ещё один человек — Ильсор, слуга генерала Баан-Ну. Его разбудили по приказу генерала. Баан-Ну дошёл до последнего изнеможения, он так устал обходиться без слуги, что давно уже был недоволен всем окружающим: двери, по его мнению, слишком громко хлопали, ручки и фломастеры писали плохо, еда, извлечённая из консервных банок, была невкусной, а постель совсем жёсткой. Командир скорее заставил бы прислуживать себе врача Лон-Гора, чем согласился вытерпеть ещё каких-нибудь несколько недель до всеобщего пробуждения космического экипажа. Он не привык одеваться сам и следить за своей внешностью, поэтому его рыжая всклокоченная борода разрослась до фантастических размеров; куртка, которую он натянул на комбинезон (очевидно, она заменяла мундир), оказалась без пуговиц; комбинезон — без «молнии» и смятый в гармошку; на локтях у генерала висели лохмотья, потому что он всё время цеплялся за какие-то острые углы, крючки; к тому же Баан-Ну не затруднял себя распознаванием левого и правого сапога: правый сапог у него неизменно оказывался на левой ноге, а это было чрезвычайно неудобно даже для генерала.

Лон-Гор долгое время до отказа крутил сначала один кран, затем другой, потом ещё выждал, пока все разноцветные лампочки не перестали мигать, показывая

полное размораживание. Наконец блестящая полировкой ячейка раскрылась, замурованного в ней Ильсора Мон-Со и Кау-Рук по приказу командира приподняли и перенесли из отсека в каюту врача.

— Ну, лежебока, вставай, — радостно приговаривал генерал, когда Ильсора несли из отсека под наблюдением Лон-Гора.

Ильсор пробуждался медленно, чуть-чуть покачиваясь на подвесном надувном матрасе, похожем на койку-гамак, какие обычно бывают у матросов в кубрике.

Ильсор занимал особое положение: он был не только хорошим слугой при генерале, но и прекрасным изобретателем. По его проекту построен звездолёт, на котором менвиты летят к Земле. Он называется «Диавона», что на языке избранников значит «Неуловимый».

Ильсор спал. Вдруг он вздрогнул, однако не проснулся и глаз не открыл. Он только почувствовал, как к нему наклонился Баан-Ну. До Ильсора долетел, как будто из бочки, голос бортового врача. Лон-Гор несколько раз повторил:

— Пробуждение требует времени, пробуждение требует времени.

Генерал наверняка не верил, что слуге требовалось какое-то время, потому что сделал нетерпеливое движение: протянул руку к Ильсору и изо всех сил тряхнул его за плечо. Слуга должен был тотчас же вскочить по первому его слову. Однако, в конце концов поняв, что от тряски мало проку, Баан-Ну отступил.

АРЗАКИ И МЕНВИТЫ

Ильсор ещё не понял, что находится на звездолёте. Он пробуждался, и это было похоже на то, как будто перед его глазами заново пробежала жизнь на Рамерии. Он видел далёкую родину. Видел свой народ — арзаков, их напоминавшие обломки скал дома у Серебряных

гор. Серебром отливают не только горы, всю Рамерию покрывает мягкий струящийся белый свет. Серебристы почва, трава, деревья и кустарники, кажется, дотронься рукой до листьев — и они зазвенят.

Арзаки очень приветливы — они доверчивы как дети. И глаза у них внимательные, широко распахнутые.

Арзаки талантливы. Среди них много художников, врачей, учёных, писателей, конструкторов и инженеров, учителей. Арзаки не только многое умеют, они просто не могут не делиться тем, чего добиваются сами, со своими соседями менвитами и делают это с великой радостью. Но менвиты — люди коварные.

У менвитов есть Верховный правитель Гван-Ло, он ещё и колдун. Он обладает гипнотическим повелевающим взглядом и может приказать любому сделать то, что захочет. И только человек начнёт протестовать, как Гван-Ло посмотрит ему в глаза — и тот сразу умолкнет. Это колдовское искусство Верховный правитель унаследовал под страшным секретом от своих предков и обучил ему менвитов. Он ведь сразу обратил внимание на то, что арзаки — талантливый народ.

«А неплохо бы, — подумал Гван-Ло, — этот талант заставить работать на нас».

Ещё раньше Верховный правитель понял, что арзаки — воспитанный народ, когда разговаривают, глядят прямо в глаза. И нет ничего проще применить колдовство, когда глядят прямо в глаза.

— Поплатитесь, голубчики, за свою воспитанность, — даже промурлыкал от удовольствия Гван-Ло, — все вы уже рабы и, полагаю, будете нам верно служить.

Менвитов он стал уговаривать, что они — избранная раса Вселенной, что им всё можно. Другие разумные существа созданы лишь повиноваться им. И уговорил. Менвиты провозгласили себя господами-избранниками, арзаков же — рабами.

Это очень печальная страница истории арзаков.

Прежде всего избранники отняли у арзаков их распевный выразительный язык.

То есть сначала-то они обучили арзаков менвитскому языку — не так, чтобы объяснить с пятого на десятое, объясняться с менвитами арзаки давно умели. Но теперь менвиты добивались, чтобы арзаки знали их язык в совершенстве, как свой родной. Главное, что и усилий не потребовалось. От природы любознательные, арзаки сами проявляли большой интерес к языку соседей. Не ведая опасности, они всё хорошо запомнили и очень скоро одинаково свободно говорили как на своём языке, так и на языке избранников.

Тогда менвиты запретили им разговаривать на арзакском языке, закрыли арзакские школы. И сделали вот ещё что.

Притворились, будто приглашают арзаков в гости, устроили пир в парке дворца правителя, а там, на этом пиру, применили к арзакам свои колдовские команды. Ильсор хорошо помнит первую команду менвитов, она неизменно одна и та же:

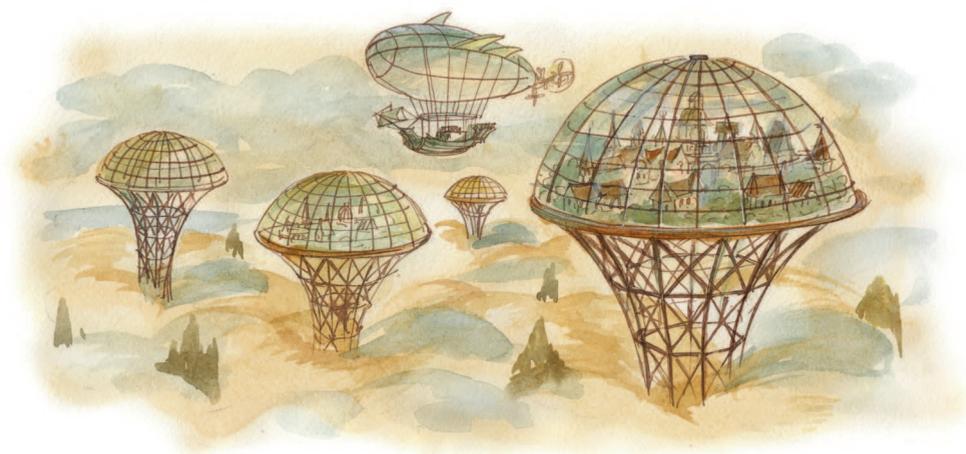
— Гляди мне в глаза, гляди мне в глаза, повинуйся мне, чужестранец!

С этой команды начался мнимый пир. Арзаки, как люди воспитанные, глядели в глаза и были все заколдованы. Им приказали совсем забыть родной язык, и арзаки забыли. Случилась и более страшная беда.

Избранники приказали забыть, что арзаки — свободные люди, и те забыли.

Они по-прежнему оставались изобретателями, учёными или художниками. Свои замыслы они сами и осуществляли, потому что привыкли работать не только головой, но и руками.

Вот так и получилось, что не одни превосходные полевые машины, станки, прекрасные произведения искусства, но и техника звездоплавания, космические корабли менвитов — всё было создано руками арзаков. Однако странное дело! Их открытиями и знаниями

пользовались отныне менвиты. Они заняли значительные должности в промышленности и сельском хозяйстве по всей Рамерии. Они назывались инженерами, врачами, педагогами, агрономами, хотя исполняли везде — на полях, на фабриках, в учреждениях — одну роль — надсмотрщиков. На самом деле всем, чем считали себя менвиты, были, конечно, арзаки, но, что-то открыв, изобретя, создав, они тут же забывали про это. Они как будто сами признали, что не годятся больше ни для чего, как только исполнять роль рабочей силы:

они мыли, скребли, ткали, пасли скот, растили хлеб, работали на станках, ещё были слугами или поварами. И они действительно верили, что, кроме работы, которую избранники зовут чёрной, у них никаких других дел нет. Так уж постарался колдун Гван-Ло.

Командир Баан-Ну — из менвитов. В нём есть то, что характерно для расы избранников. Он очень высокий силач, гордо носит на широких плечах большую круглую голову.

Менвиты — сильные, красивые люди. Кроме страсти к физкультуре, у них особое отношение к одежде. Она должна быть обязательно нарядной и ладной, иначе менвит окажется в таком плохом настроении, что и тысяче весельчаков его не исправить.

Лицо Баан-Ну могло быть даже приятным, если бы не ледяное выражение, сковавшее сами глаза, сделавшее их как будто неподвижными.

Менвиты уверены в себе, но такое выражение проступает на лицах не только оттого, что относятся к другим свысока. Менвиты совершили много недоброго по отношению к арзакам, они навязали им свою волю, и чем больше плохих поступков у избранника, тем холоднее его глаза.

Ильсор знает гипнотическое действие взгляда менвита, когда человек, стоящий перед избранником, совсем теряет волю и идёт за ним послушным рабом, всё на свете забывает, кроме одного: что он раб и перед ним его господин.

Среди спящих звездонавтов на корабле есть арзаки: слесари, бурильщики, электрики, строители и другие рабочие, без которых менвиты не смогут основать базу на Земле.

Руководить работой арзаков в ещё неясных земных условиях будет Ильсор, который на время работ, помимо работы слугой генерала Баан-Ну, станет ещё главным технологом.

Менвиты доверяют Ильсору. Он бесконечно добр. Он — самый послушный раб. Нет такого дела, с которым бы он не справился. И он никогда никуда не сбежит, потому что просто не сможет этого сделать, как думают менвиты, не спросив разрешения.

Ильсор окончательно просыпается, спрыгивает с койки.

— Мой генерал, — отвечает он низкий поклон входящему в каюту врача Баан-Ну. — Рад вам прислуживать.

— Я знаю, — снисходительно кивает генерал, хотя в душе ликует, потому что Ильсор без замедления

приведёт его в наилучший вид. — Я знаю, — повторяет он, — ты предан мне до конца.

Ильсор наклоняет голову в знак согласия, но тут же, решив, что этого мало, ещё раз поспешно кланяется.

НА БОРТУ ЗВЕЗДОЛЁТА

Астрономы Рамерии, наблюдая в сверхмощные телескопы различные планеты, заинтересовались Землёй, или Беллиорой, как они называли Землю по-своему. Они утверждали, что Беллиора не отличается по своей природе от Рамерии.

Посланцы планеты Рамерия должны были проверить, есть ли жизнь на Земле. Но полёт «Диавоны» не планировался как научная экспедиция. Менвиты летели на Землю с воинственной целью: покорить новую планету.

Уже включили тормозные двигатели, Ильсор это угадывает по лёгкому дрожанию корабля. Врач Лон-Гор приступил к всеобщему пробуждению экипажа. И сразу отсеки звездолёта, которые казались до этого пустынными, сделались тесными и многолюдными. Потягиваясь и зевая, из них выходили астрономы, геологи, инженеры, лётчики, разбуженные после семнадцатилетнего сна. Только рабочие-арзаки оставались на своих местах, им не разрешили пока покидать отсек. Корабль напоминал теперь растревоженный муравейник, люди сновали туда и сюда во всех направлениях.

Как только разбуженные немного пришли в себя, Баан-Ну собрал менвитов в демонстрационном зале космического корабля.

— Именитые братья! — торжественно обратился он к собравшимся. — Нам доверено великое дело — завоевание цветущей планеты Беллиоры. Она должна быть цветущей по предсказанию наших астрономов.

На Рамерии были такие игрушки — божки с качающимися головами, арзаки вырезали их из камня для детей менвитов. Так вот, как послушные божки, астрономы все вместе закачали головами, соглашаясь с Баан-Ну.

— Наше дело очень простое, — продолжал генерал, — мы опустимся в любом месте Беллиоры и начнём возводить город.

Баан-Ну не сказал бы так просто, не будь штурмана. Командира всегда тянуло к красочным описаниям опасностей, бывших или будущих. Но Кау-Рук не понимал небылиц.

Штурман удобно сидел в кресле, покачивал головой, но не как послушный божок, а с сомнением.

Он внимательно слушал командира.

— А если Беллиора обитаема? — спросил он.

— По предварительным данным, там никого нет, — возразил Баан-Ну.

— А что, если есть? — настаивал штурман. — Вот астрономы утверждают: Беллиора цветущая планета. Тогда на ней могут быть и существа вроде людей.

— Тем хуже для них! — жёстко, с самоуверенностью, характерной для завоевателей, сказал генерал. — Мы уничтожим большую часть жителей, а остальных превратим в рабов, как уже сделали с арзаками. Пусть служат нам преданно, как арзаки, — добавил он раздражённо.

Кау-Рук склонил голову в знак согласия — он не хотел сердить командира.

— Однако речь не об этом, — успокоившись, сообщил Баан-Ну, — Беллиора перед нами. Наш корабль много-много раз облетит её. Беллиора будет рассмотрена в телекамеры и сфотографирована. Физики возьмут пробы воздуха на разных высотах, определяют величину атмосферного давления, математики вычислят силу тяжести. Итак, за работу.

Прежде всего техники, с ними Ильсор, надели скафандры и, выйдя через шлюз, осмотрели обшивку звездолёта.

Поначалу когда-то зеркальная, поверхность покрылась углублениями, рытвинами — следами столкновений корабля с потоками космической пыли и осколками метеоритов. Будто неведомый чеканщик сантиметр за сантиметром семнадцать долгих лет обрабатывал её, покрыв загадочными узорами. Углубления пришлось очень кстати, их использовали, когда стали наносить

из распылителей на обшивку корабля тончайшее огнеупорное покрытие. Без него звездолёт мог сгореть при входе в земную атмосферу. Покрытие было предусмотрено Ильсором и не только защищало звездолёт от огня, но и делало его неуловимым для радиоволн на тот случай, если бы на Земле существовали локаторы, посылавшие эти волны.

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С УРФИНОМ ДЖЮСОМ

Пока в небе происходил полёт инопланетян, в Волшебной стране жизнь шла своим чередом. Там случались свои повседневные события. Одно из них было связано с Урфином Джюсом. Урфин не только переменил место жительства — прежде он жил в стране Жевунов в лесу, теперь обитал в долине у Кругосветных гор. Главная перемена совершилась с самим Джюсом как человеком. Он стал совсем другим, как будто родился человек заново. Выражение лица у этого нового жителя страны Гуррикапа не бывало больше свирепым. А поскольку характер человека проявляется в том, что он мастерит, то с Урфином приключилось чудо. Вместо угрюмых, мрачных игрушек, которыми раньше пугали людей, он сделал очень весёлых кукол, зверьков и клоунов и подарил их гномам.

Урфин и сам получил подарок от Железного Дровосека. В стране Мигунов, известной мастерами, для Джюса сделали телескоп. Джюс пристроил к дому башню, прикрепил к ней гвоздями телескоп и стал по вечерам рассматривать небо.

Так и случилось, что он заметил в телескоп «Диавону». Конечно, он увидел не звездолёт с такого далёкого расстояния, а крошечную мигающую звёздочку. Он бы, пожалуй, не обратил на неё внимания, если бы на его глазах звезда не засияла всеми цветами радуги.

Несколько дней Джюс вёл за ней наблюдения. С каждым днём в её свечении всё больше усиливался красный цвет, и звезда росла. С ней происходило что-то неслыханное. Урфин был озадачен и продолжал вести свои наблюдения. О космическом корабле он не думал. Ему и в голову не могло прийти что-нибудь подобное. А между прочим, свет усиливался оттого, что на «Диавоне» штурман Кау-Рук один за другим включал тормозные двигатели. Два, пять, десять, пока не были включены все. Инопланетяне подлетали к Земле и гасили сверхскорость корабля. Это было необходимо, чтобы начать двигаться вокруг Беллиоры.

НЕВЕДОМАЯ ЗЕМЛЯ

«Диавона» вращалась вокруг Земли, постепенно приближаясь к ней. Автоматические бортовые телекамеры навели на Беллиору и включили без промедления. На демонстрационных экранах в рубке командира, как и в зале, где собрались менвиты, появились голубые очертания незнакомой планеты. Чужестранцы вглядывались в расплывчатые пятна неизвестных им океанов, морей, тёмных гор, жёлтых пустынь, зелёных долин и лесов. Долгий полёт притупил чувства инопланетян, но сейчас их охватило волнение, где-то в подсознании замелькала тревожная мысль:

«Что-то ожидает нас здесь?»

Баан-Ну щёлкнул переключателем увеличения, и вдруг на экранах замелькали изображения больших городов с многоэтажными зданиями, заводов, аэродромов, кораблей.

— Внимание! — тут же раздалась команда. — Срочно маскироваться.

«Диавона», как спрут, выпустила из специального люка в корпусе звездолёта тёмное маскировочное облако, окутавшее корабль. Никакой телескоп не смог бы впредь обнаружить громадину рамерийского звездолёта. Вместо неё астроном с Беллиоры увидел бы бесформенное тёмное тело, но что оно значило, не разгадал бы ни один мудрец.

Космический корабль инопланетян в полной безопасности приближался к Земле.

Посланцы Рамерии, торопясь, просматривали виды Беллиоры. И чем дальше, тем больше хмурились их бледные лица. Баан-Ну и его подчинённые видели

железные дороги, каналы, возделанные поля, мощные укрепления, на рейдах больших портов громадные корабли, с палуб которых грозно смотрели в небо стволы орудий. В глазах чужестранцев, настроенных на то, что Земля необитаема, невольно появились недоумение и нерешительность.

— Да, — хмуро произнёс генерал, — эту цивилизацию не поставишь на колени одним ударом. И тут не спустишься на планету в любом месте. «Диавону» расстреляют, прежде чем мы успеем открыть люк.

Как менвит-завоеватель, Баан-Ну полагал, что космических Пришельцев встретят на Беллиоре не миром, а войной. Так поступили бы рамерийцы, опустились на их планету чужой корабль.

Менвиты решили найти тихое место, удалённое от больших городов, морских портов и мощных укреплений. Там можно скрыться до поры до времени, пока рабочие, наставляемые Ильсором, не соберут вертолёты: с них легче производить разведку, чем с звездолёта-гиганта.

Корабль совершал всё новые и новые витки над Беллиорой. Наблюдения продолжались. Пробы воздуха показали, что атмосфера Земли мало отличается от рамерийской и вполне пригодна для дыхания Пришельцев. Хоть в этом пришло облегчение: жить в скафандрах на чужой планете месяцы, а может, годы было бы невозможно.

Наконец рамерийцам повезло. Посреди бесконечной песчаной пустыни они обнаружили большую лесистую равнину, окружённую кольцом высоких гор со снежными вершинами. Звездолёт несколько раз пронёсся над равниной. Телекамеры работали непрерывно. Сомнений не было. Среди рощ и полей виднелись деревни с крохотными домами, а в центре поднимался чудесный город, башни и стены которого сияли непонятным, но очень красивым зелёным светом. И нигде ни одного укрепления и форта, ниоткуда не поднимались стальные дула пушек, вид которых так неприятно поразил менвитов при первых облётах Земли.

Баан-Ну и его подчинённые впервые повеселели. Генерал протянул руку к телеэкрану с видом тихих деревень и чудесного города и, довольный, произнёс:

— Подходящая страна. Здесь будет наша база на Беллиоре.

Он не знал, что страна эта волшебная.

ПЕРВЫЕ ДНИ НА ЗЕМЛЕ

УРФИН ДЖЮС — ОГОРОДНИК

Урфину не давала покоя диковинная звезда, светящаяся красным цветом. Его мысли время от времени возвращались к ней, вечерами он подолгу просиживал у телескопа, но, как ни старался её отыскать, нигде обнаружить не мог. Звезда бесследно исчезла. Правда, он заметил однажды, как какое-то тёмное облако пронеслось по небу, но не придавал этому никакого значения.

С жителями Волшебной страны Урфин теперь дружил, но о звезде, заинтересовавшей его, не торопился сообщать. Он ведь и сам пока ничего не понял.

Давно прошло то время, когда Премудрый Страшила сдержал слово и пригласил Джюса поселиться в Изумрудном городе среди людей. Урфин не ожидал, что ему будет так приятно это приглашение.

Однако он уже много лет жил у Кругосветных гор, привык к уютной долине с прозрачной речкой и расстаться со своей усадьбой не захотел.

Жить одному для него было так же естественно, как пить или есть. Он по-прежнему не хотел походить на

других людей и одежду носил иного цвета: не голубую, не фиолетовую, а зелёную. И вовсе он делал так не от злого нрава, такой уж у него был нелюдимый характер. Общество он делил со старым филином Гуамоколатокинтом, с которым каждый день перебрасывался немногими словами.

— Ну что, друг Гуамоко, — обычно с утра спрашивал Урфин, — прибыли вести на сорочьих хвостах?

И они с Гуамоко медленно, с паузами, обсуждали новости, которые умный филин запоминал от других птиц.

— Железный Дровосек к Страшиле Премудрому пожаловал в гости, — степенно говорил Гуамоколатокинт.

— Лев Смелый тоже в пути, но он стар — лапы его медленно ходят, он идёт-бредёт, потом садится, отдыхает.

— А что наш Премудрый? — спрашивал Урфин.

— Опять намудрил. Придумал какую-то библиотеку, книги серьёзные читает.

— Дело хозяйское, — вздыхал Урфин.

Урфин был неплохим столяром во все времена. Была пора, ничего не скажешь, когда сделанные им столы, стулья и другие изделия из дерева перенимали сварливый характер мастера и норовили то толкнуть тех, кто их покупал, то наступить им на ноги — одним словом, доставляли людям всякие неприятности. Строптивые изделия никто не покупал, и Урфину поневоле пришлось выращивать овощи на своём огороде, иначе чем бы он жил?

Урфин стал огородником, работал быстро, но как-то нудно, неинтересно. Работа не приносила ему радости.

Но вот Джюс задумался о себе, о своих делах и словно заново родился, и всё вокруг изменилось.

С его занятиями начали происходить непривычные вещи. Дело у него спорилось так, что он сам удивлялся. Он отремонтировал домик в долине, покрасил его самыми весёлыми красками, какие нашлись в его хозяйстве. И почувствовал, что его прямо тянет заняться огородом. Да не просто заняться.

Со дня, когда он получил приглашение Страшилы и понял, что жители Волшебной страны совсем больше не сердятся на него, ему постоянно хотелось что-нибудь изобрести для них.

Смелости и терпения Урфину было не занимать, и он вырастил в своей усадьбе такие небывалые плоды, что даже филин Гуамоко, сначала недоверчиво отнесшийся к затее Урфина, затем проникся безграничным уважением к нему.

— Эка невидаль! — ухал он, взмахивая крыльями. — Небывальщина! Видно, хозяин, ты ещё умеешь колдовать!

Здесь были золотая морковка, голубые огурцы, красно-прозрачные, словно гранаты, сливы и яблоки, солнечные, точно апельсины. Что и говорить, плоды

получились очень нарядными. А главное, привлекал в них не столько цвет, а то, что они были сладкими, большими, вкусными.

Видно, не случайно Джюса потянуло к огородничеству. Разводить овощи и фрукты для других было куда как интересно, и из этого вышел толк.

Как только великолепные плоды созревали, Урфин нагружал ими доверху тачку и отвозил в Изумрудный город.

То был настоящий праздник Угощения. На него спешили все, кто мог, со всех концов Волшебной страны.

Причём Урфину хотелось никого не обидеть, одарить всех жителей и гостей. Он много раз наполнял

свою тачку грудой плодов и торопился обратно в город. Перевозка была дальней и нелёгкой. И тогда жители Волшебной страны послали в распоряжение Джюса деревянного гонца. Скороногий гонец никогда не уставал. Он доставлял дары Урфина с ошеломительной быстротой.

Урфин готовил для гонца овощи и фрукты. Собирали их, выкапывали, ополаскивали ключевой искрящейся водой, которую жаркое солнце тут же высушивало. Джюс аккуратно складывал плоды в тачку. Жители Изумрудного города не отпускали его до тех пор, пока он не съедал целую гору пирогов, которые были особенно вкусны у хозяек чудесного города.

ЖЁЛТЫЙ ОГОНЬ

Праздники Угощения обязательно устраивались каждый год, их ждали с таким нетерпением, как ждут дня рождения. Потому что, как ни чудесна жизнь в Волшебной стране, всё же один день похож на другой. Солнце поднимается всякий раз высоко и, когда ежедневные чудеса сделаны, опять опускается за горы.

Это случилось накануне нового праздника. Канун подоспел незаметно, он продолжался несколько дней, чтобы все желающие успели добраться до Изумрудного города, а Урфин-огородник успел приготовить угощение. Фрукты и овощи удались на славу, их было видимо-невидимо, так что Джюс опасался не успеть перевезти их в Изумрудный город до открытия торжества. Рядом с дворцом Страшилы соорудили длинные ряды из сдвинутых столов, которые перетащили из домов жители города.

Урфин и деревянный гонец, который помогал ему перевозить овощи, сновали между Кругосветными горами и Изумрудным городом.

Проезжая с полными тачками через страну Жевунов, они оставляли вкусный запах спелых, настоянных на солнце плодов. Разве могли Жевуны спокойно смотреть на это разноцветье фруктов и овощей в тачках?

Они высовывались из круглых окон своих домов почти целиком, даже странно, как они не падали, цепляясь ногами за подоконники. Они ещё и переговаривались, захлёбываясь от восторга.

— Ой-ой-ой, — говорил один Жевун, — опять голубые огурцы. Какое великолепие!

— Что огурцы, жёлтые орехи — чудо! Я сам видел, их целый воз! — восклицал другой. — У меня уже и сейчас слюнки текут.

— А я люблю яблоки и апельсины, — тоненько пел женский голос. — У нашего Урфина яблоки горят, как апельсиновые солнца, а апельсины — румяные, точно яблоки.

— Ох, и наемся я, — уверял мальчуган Жевун звенящим голосом.

Вороха ярких ароматных плодов росли на столах Изумрудного города, а в усадьбе Джюса они, казалось, не убывали.

Жевуны тщательно чистили свою одежду, украшали её праздничными воротниками, их жёны надевали юбки колокольчиком, пришивали новые бубенцы к шляпам — одним словом, на праздник Утощения собирались как на бал. Так же тщательно готовились к празднику во всех уголках Волшебной страны.

— Я буду самой красивой, — говорила одна девочка. — Мама сказала, у меня такой нарядный воротник из кружев.

— Нет, это я буду самым красивым, — возразил ей Жевун, — у меня самые блестящие бубенчики на шляпе. И они так звенят. Я могу весь праздник танцевать под свою мелодию, мне даже музыка не нужна.

— А я ещё не подшил шляпу, — тут же отозвался другой Жевун. — Не опоздать бы.

— Да, не опоздать, не опоздать, — заволновались Жевуны.

Бубенчики на их шляпах вздрагивали, и в домах стоял неумолчный перезвон. Жевунам и в самом деле пора было этой ночью отправляться в путь.

Благодаря инженерной смекалке Страшилы кое-что изменилось в Волшебной стране. Самым памятным оставалось, конечно, превращение Изумрудного города в остров. Несмотря на вырытый канал, столицу свою жители всё-таки по старой привычке называли не островом, а Изумрудным городом.

Нововведения Страшилы Премудрого коснулись и других мест Волшебного государства. Так, жители больше не гадали, как переправиться через Большую реку, — через неё перекинули мост. А в глухом лесу не страшно было двигаться и ночью — вдоль всей дороги

